

Сказки Мишоги

Книга 1
- Игры мироздания -

12+

Александр(Мишогу) Юшкин

**Александр
(Мишогу) Николаевич Юшкин
Сказки Мишоги. Книга
1. Игры мироздания**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28537399

SelfPub; 2019

Аннотация

Первая книга, из трёх рассказов. Из серии "Сказки Мишоги". Для вдумчивого чтения, энергетически сильные. Об играх мироздания, в которых мы, люди, принимаем участие. И многие даже не догадываются об этом. Все рассказы о реальных событиях и людях, несмотря на кажущуюся фантастичность. Интересно будет тем, кто пытается жить осознанно. Не для быстрого чтения.

Содержание

Сказка первая: «Гримаса Фортуны»	4
Сказка вторая: «Ромкина любовь»	10
Сказка третья: «Кошкин дом»	20

Сказка первая: «Гримаса Фортуны»

– *Люди странные, – гибнут за металл:* – полагаю, удивлялся Фауст...

На севере Империи, победившего всё, что можно победить, пролетариата. На северном Урале, течёт река Косью. В верховьях вода в ней очень холодная и студёная, купаться в ней невозможно даже в самую сильную жару. Можно быстренько ополоснуться в заводях неглубоких. Места здесь безлюдные и загадочные. Бывает на охоте – у тебя в руках ружьё и ты полон решимости, добывать зверя или птицу. Но из лесу кто-то смотрит на тебя, и ты вдруг понимаешь, что охотник уже не ты. И дух захватывает, как на качелях. Обычно мужики стараются быстро покинуть такие места, даже оглянуться боятся. Очень страшно и непонятно почему.

Но сейчас лето, удивительная для этих краёв, солнечная и жаркая погода. Ветерок отгоняет комаров и мошкар. Послеобеденная расслабуха. На берегу реки, искупавшись в мелкой заводи, лежат голые мужики, – примерно рота. Бригада заготовщиков сена, засланная из города. У каждого в изголовье, одежда, аккуратно сложенная лежит. Поверх одежды ножи лежат, в чехлах. Ножи самодельные, каждый делал под

свою руку, в тайге без ножа верного никак.

Все они примерно одного возраста. Матёрые, и по повадкам видно – бывалые. Те, которые гладко выбриты – политические. Это они воевали, во время войны, против СССР. Из прибалтийских стран мужики, удивительно крупного телосложения, с белой кожей. Так же – «бандеровцы», с золотыми зубами, воевавшие за самостоятельность Украины. Крымские татары – смуглые, мускулистые. Несколько немцев – с наколками группы крови под мышкой.

Из этих, политических, каждый воевал за свою родину, желая ей лучшей доли, без коммунистов. Но, не получилось. И теперь их приравняли к бандитам. Без права выезда на родину, – пожизненно.

Также несколько бывших бойцов красной армии. Волею судеб, оказавшиеся здесь, некоторые со страшными шрамами на теле и лице. Вероятно, преступившие закон уже после войны, отсидевшие «срока», и осевшие в этих краях. Ещё были уголовники – их можно определить по блатным, непонятным наколкам. Говорят: «Паспорта у нас такие, в уголовном мире».

У каждого из людей, которые сейчас лежат на песочке, своя судьба и свой камень на душе, вернее не камень, а взведённая граната. По этой причине они общаются предельно корректно, без мата. О прошлом друг друга не вспоминают и не спрашивают, о будущем не загадывают, мало ли как повернётся фортуна. Живут днём сегодняшним. А чтоб легче

жилось в такой атмосфере, мужики шутят, особенно это ловко получается у украинцев и у моториста Коли.

Лежит, значит, эта орава, на песке и настроение у них прекрасное. На берегу работает Коля, – грузит в лодку части механической косилки, чтобы перевезти на другой берег реки. Коля единственный, кто приехал на север сам – «деньжат» заработать. Он очень похож на цыгана, – длинные чёрные волосы, борода курчавая, весельчак и быстрый на слово. Делать нечего и мужики смотрят за телодвижениями моториста. Некоторые подшучивают, как-бы соревнуясь в остроумии.

– Как-то он ходит, – подозреваю у него геморрой.

– Да ты что? Видишь, как он ловко грузит!

– Люди добрые, ратуйте, человек с геморроем тяжести носит, – «убьётся» на работе!

И дают шуточные советы, чтоб уберечь пошатнувшееся здоровье. Коля отбивается шутками и чувствует себя как бы артистом. По этой причине движения получаются неловкими и вычурными. Наконец-то всё погружено, привязано. Отбившись от последней шутки, он завёл мотор и поплыл на другой берег, всё время, чувствуя, что на него смотрят и оценивают все его движения, не со злобы, а от нечего делать.

Не доплывая до берега метров восемь, он заглушил мотор, развернул лодку так, что она мягко коснулась берега всей кормой и остановилась. Бросив якорь, он оглянулся, оценила ли публика его ловкость. Публика – наблюдала. Не торо-

пьясь, разгружал лодку. Жарко, да и торопиться некуда. Когда окончил выгрузку, он поднял якорь, и с разбега прыгнул в лодку. Лодка, под силой его прыжка должна была отчалить от берега, но она оставалась на месте. На том берегу засмеялись, он не столько слышал, сколько почувствовал это. С досадой взял багор и оттолкнулся от берега, багор соскользнул с камня, и Николай чуть не свалился за борт. Публика ржала, не смеялась, а именно ржала, даже, сдержанные немцы.

Коля, прежде чем опять оттолкнуться от берега, поискал глазами злополучный камень. Чтоб два раза не смешить публику – это будет перебор. Камень лежал под водой, возле самого берега и на нём виднелась странная светлая полоса от багра. Выйдя аккуратно с лодки на берег, Коля хотел поднять камень, но тот был удивительно тяжёлым. Выбросив его на берег, остриём ножа процарапал глубокую царапину, и процарапанное место заблестело ярко-жёлтым цветом. Всё тело вздрогнуло и в груди сильно стукнуло сердце. Золото. И сразу почувствовал на себе заинтересованно – пристальные, взгляды публики.

Публики, которая, в прошлом, много раз смотрела на мир через прицел карабина или автомата. И не просто смотрела – стреляла в людей, убивала. Стараясь убить, разными способами, как можно больше «врагов».

Взяв самородок, хотел бросить в лодку, но передумал – можно днище проломить. Осторожно положил на дно лодки. Оттолкнулся от берега и пошёл на вёслах. Как-то странно

тихо было вокруг, или ему казалось. Было чувство, как будто его разглядывают через увеличительное стекло, или оптический прицел, каждый жест и всё что он делает. Выплыв на середину реки он осторожно, и как-то обречённо, перевалял самородок через борт накренившейся лодки, и тот почти беззвучно, провалился на дно реки. Завёл мотор и поплыл к берегу. Лихо пришвартовался. Публика молча, наблюдала за его телодвижениями. Искупался и с облегчением, молча, растянулся на горячем песке.

Публика озадаченно молчала. Прошло несколько минут, и кто-то из рядом лежащих «прибалтов», спросил: *«Коля, а что, на том берегу, ты положил в лодку, а потом утопил в реке? Что это было, что?»*

Коля помолчал немного и, чувствуя нетерпение публики, сказал: *«Это был самородок золота, килограмм восемь, или десять и я его утопил»*. Народ озадаченно молчал, но молчал как-то нехорошо, и на берегу стало прохладно, или это кровь в жилах застыла. Тот же «прибалт», произнёс каким-то изменившимся, жёстким голосом: *«Ты правильно сделал, Коля»*. Тот, махнул рукой, как-бы отгоняя наваждение. Прошло ещё несколько минут абсолютно, мёртвой тишины.

– А знаешь, почему ты правильно сделал?

И не дожидаясь ответа, медленно произнёс: *«Я бы тебя убил – Коля»*. В воздухе повисла, ватная тишина, как после взрыва гранаты. Тихо, глухо, и в ушах звенит.

– Не переживай Коля, – продолжил эстонец, – я тоже не

дожил-бы до завтрашнего дня.

Помолчал и обречённо произнёс: *«Многие из нас не дожили-бы до завтрашнего дня».*

Было тихо, нехорошо, и в душе неуютно. Все молчали, тоже как-то нехорошо. Долго молчали.

Потом пришёл бригадир и позвал на работу. Мужики, молча стали одеваться. Пристёгивая ножи на ремнях, – старались не смотреть друг на друга. И с облегчением пошли на работу.

*****От автора: *«Прочитав эту «сказку», не торопитесь читать следующую «сказку». Попробуйте осознать ситуацию, в которой оказался Коля, – мой отец».*

Сказка вторая: «Ромкина любовь»

– *Невыдуманная история, а хотелось бы, чтоб выдуманная...*

Рома был третьим сыном. Старший брат попал в «тюрьму», на огромный срок. Средний брат в Афганистан. Вернулся израненный телесно и психически. Родители Романа сильно переживали – за младшенького. Но обошлось. Романа призвали в войска ПВО. Охранять небо над страной.

Вернулся из армии. Устроился в шахту – на проходку. Работает. Добавочно окончил курсы и стал «комбайнёром». Проходческий комбайн, это «железный подземный крокодил», больше пятидесяти тонн, который прогрызает тоннели в угольной шахте. Угольный пласт, по которому ползал Ромкин комбайн, находился на глубине больше четырёхсот метров. Забой считался особо опасным, и тяжёлым – по горно-геологическим условиям труда. А это значит, что деньги за эту работу, платят немалые.

Роман любил одеваться во всё «фирменное», и с удовольствием тратил деньги на очень дорогие покупки. Которые большая редкость, здесь, на севере. Иной раз забежит ко мне домой. Пьём чай или чуть-чуть вина, и он хвастается, своими покупками вернее он не хвастается, а хочет, чтоб я тоже порадовался вместе с ним. Ну и естественно, «обмыл» с ним

красивые вещи. Я конечно «со-радуюсь» вместе с ним. Иногда подшучиваю – мол, шмотки «фигня». Он не чувствуя подвоха доказывает, что тряпка на нём это не тряпка, а вещь «забугорной» работы и показывает доказательства, аж вспотеет. Я конечно делаю круглые глаза, и удивляюсь его познаниям в тряпочном деле. А в основном видимся редко. На шахте, бывает, встретимся:

– Ну, как дела?

– Нормально, – и похвастается новым приобретением.

Как-то месяца два не видел его. Мужики сказали, что «на – юга» в отпуск уехал. «Шмоток навезёт, – предугадывал, – вот потеха будет, когда буду, с ослиным упрямством доказывать, что ему «впарили» дорогую ветошь».

Перед спуском в шахту, сидим с мужиками, курим. Появился Рома. Поздоровались, – на нём новая кожаная куртка. Разговариваем, что да как, где был, как отдохнул. Он, я вижу, ждёт, чтоб я восхитился его новой курткой. Виду не подаю. Поговорили, и он пошёл дальше. А я ему в след: «Куртка – хреновая». Он приостановился, но выдержал подлый удар, – ушёл, ничего не сказав.

После смены, скинув спецовку и оставшись в одних трусах, сидим, курим, грязные, чумазые.

Появляется Рома и накидывается: «А у тебя трусы хреновые». И пошёл мыться в душ, смешной, всю смену копил злость на меня. Помывшись и надев чистые одежды, стоим, ждём автобуса, который развезёт нас по домам. Подошёл Ро-

ма. Вид у него радостный. Отвёл меня в сторону и рассказал, что у него девчонка появилась. По-настоящему. И у них любовь. Скоро свадьба. Аж светится от счастья. Я не стал остерить по этому поводу, он итак не в себе от счастья.

И пошла у Романа семейная жизнь. В гости не заходит, видимся на работе. Ему от шахты квартиру дали. Потому что – работает хорошо, не пьёт, семья. Теперь при встречах он рассказывает «про мебель», – какую купил и за какие деньги. Совета спрашивал, как ему обустроить кухню: «Чтоб моей жене удобно было». Видно по нему, что ему нравится производить: «Моей жене». Мужик – летает от счастья. Предлагаю помощь, – отказывается. Ему эти хлопоты только в радость.

Знакомый проходчик, глядя на Романа, сказал: «Я тоже таким был, «обломался», сейчас моя бывшая на юге живёт, с другим «хахалем». Им моих, шахтёрских, алиментов на всю семью хватает». Я промолчал. Такое часто бывает. Приедет женщина с «юга», и закадрит шахтёра. Забеременеет, – подаёт в суд на алименты. Отсудив – уезжает обратно. Беда просто. И выхода никакого. Новую семью завести уже страшно-вато.

Время идёт и в положенный срок у него появилась дочка. А он как раз хлопоты с обустройством семейного гнезда закончил. И теперь при встречах он про «дочурку» только и разговаривал.

Время идёт, идёт время. За суетою будней и бытовых дел мы не замечаем, как идёт время, а оно идёт, неслышно и

невидимо подталкивая нас неведомо куда. Только по деткам хорошо видно, как наше время перетекает в них.

Вот у Ромы дочка стала ходить, говорить первые слова. Рома, каждый день рискующий жизнью, каждую минуту, свободную от работы, проводит с семьёй. Работа-дом, работа-дом. И он рад, очень рад. Рассказывает при встречах, как он гуляет с ней, какие умные фразы она произносит.

Потом пришло время в садик водить. Рома старается, водит. Ходит на «утренники». Конечно, и про жену не забывает. Шубы покупает, меха. Захотела на фитнес ходить, пожалуйста, он позанимается с дочкой один.

Время идёт, идёт время. Дочке скоро в школу. Рома «прошустрил», и они переехали в большую квартиру. Я при встрече зову в гости, с друзьями посидеть, в «картишки» перекинуться, детство вспомнить. А он смотрит, и не понимает, как так, у него ремонт, жена и дочка, а тут водку пить зовут.

Как-то под вечер, звонок в дверь. Открываю, стоит Роман. Заходит в квартиру. Вроде как раненый. Видно, что ему очень больно двигаться. Ссутулился весь и лицо бледное.

– Может в шахте в переделку попал? – мелькнула у меня мысль.

– Водки?

Молча, качает головой, – не надо. Я поставил чайник, – ему нравится, как я завариваю чай.

– Случилось что?

Молчит и видно что-то в себе держит, не может выговорить словами. Всё-таки налил ему стопку, он выпил. И он как будто в бреду стал выдавливать из себя слова. «От меня» – он помолчал. Вдохнул и выдавил из себя: «От меня жена ушла, – и, как последний камень с души, добавил: – Дочку увела». Я ещё ему налил, себе тоже. Молчим, курим. Водка немного расслабила его, и он продолжил: «На развод подала, с разделом имущества, и на алименты тоже подала. И ушла – к какому-то».

Я молчу, собираюсь с мыслями. Надо успокоить мужика, слова подбираю. Тут, на Севере, в такой ситуации, одно неправильное слово, и можно на нож попасть или стулом по голове получить. Молчим, каждый о своём. Я начал блять: «Так бывает, мужики уходят от семьи и женщины, бывает, выгоняют мужиков». Но Рома не понимает: «Как же так – вот есть любовь, и вдруг её нет?».

– И как мне жить? Ведь у меня-то есть любовь.

Странно слышать такие нежные слова от «здоровенного» мужика.

– Давай, пожрём, чего ни будь – предложил я.

– Давай – как-то обречённо, он произнёс.

Поели, ещё выпили. Чтоб разрядить обстановку, я поинтересовался: «Как дела в забое?».

– Порода крепкая пошла, взрывать приходится.

Вот тут уж я завибрировал. Бывали, случаи, когда мужик обвязывался взрывчаткой. Обнимал свою, непутёвую жен-

щину, и подрывался вместе с ней, а если с ней не получалось, сам подрывался. Потом во всём дворе, в пятиэтажках, стёкла вставляли.

Рома понял мой испуг и сказал: «Не надо корчиться мне, а тебе не надо дрожать,— такой навоз стране не нужен». В шахте мало матерятся, в основном присказками обходятся и обыгрывают их на разные вариации. Полностью это звучит примерно так: «Жучка села гадить. Ах, как она корчиться, дрожит». Применяется это выражение по разному поводу. Часто в экстремальных ситуациях, с разными интонациями, иногда патетическими, злобными, чаще сердобольными, короче – по обстоятельствам и с чувством». И если Рома попытался пошутить, значит слегка, у него на душе, «полегчало». Потом он ушёл, ведь завтра на работу.

И понеслась жизнь Ромкина по ухабам с горочки. И побужало его времечко, скачками толкая Рому перед собой.

На суде он узнал про себя много нового. Оказывается,— он бабник и пьяница. Жёну бил, дочке тоже доставалось. И его жене приходилось работать на двух работах, чтоб хоть как-то обустроить квартиру мебелью. Обычный набор претензий женщин к бывшим мужьям.

Рома даже в страшном кошмаре не мог представить, что *это* будут предъявлять ему. Самый близкий на свете человек – такое говорил о нём. Но держался достойно. И конечно, судья – женщина, верила хорошо одетой, несчастной, забитой жертве бытового насилия. А Рома и не пытался защи-

щаться, он думал, что жена стала жертвой наговора или порчи посланной неизвестной соперницей. И при разделе имущества – не мелочился.

В результате этой, «тягомотины», Ромка стал жить в маленькой, зашарпанной каморке. Раньше это было жильё её нового мужика. Из мебели – один старый, но работающий холодильник. Стал жить в этой каморке. Удивительно, но в запой не ушёл. Ремонт сделал «холостяцкий», чтоб чисто и аккуратно было.

К нему забегали, по очереди, подружки жены. Пытались согреть душевным теплом и горячим телом, но терпели неудачу, тоже по очереди. Я заходил как-то в гости, сгущёнки принёс, сметаны, «оладушек» напёк. Посидели, чайку, с «оладушками» попили. Какой-то он стал замороженный или умерло у него что-то внутри.

Глядя на него, поневоле задумаешься о «запасном аэродроме», мало ли что. Придёшь домой с работы, а в прихожей чемодан стоит, спросишь: «Дорогая кто – то приехал?». А в ответ: «Это вы съезжаете».

– И чё, что делать, куда податься проходчику с чемоданом?

Ромкино время как бы остановилось в раздумье. Работа, одиночество, работа и опять одиночество.

С дочкой повидаться не дают. «Посажу»: говорит жена. Слово «бывшая» он не мог выговорить. И он решил уехать. Попрощавшись с друзьями, продав каморку, – уехал.

– Может быть, отогрется под южным солнышком, и опять пойдут его часики весело и звонко.

**** Прошло года два. Звонок в дверь. Открываю. Рома в тёмно-зелёном фирменном костюме.

Оказывается, – он вернулся «насовсем». На работу устроился, в ту же бригаду. Жильё снимает, на первое время.

Во время небольшого застолья, по этому поводу. Я разворачиваю карту страны:

– Мудак, ты мог бы поехать в любую точку на этой карте, но только не сюда.

– Какого хрена ты здесь оказался – Рома? – психую я.

А он молчит и смотрит на меня удивлённо, как будто я «мудак» и чего-то не понимаю. Моя супруга накинулась на меня, защищая Рому. Оказывается, я бессердечный чурбан и нет во мне чувства сострадания к попавшему в беду товарищу.

И пошло время у Романа немного веселее. Заходит частенько, – «харчей» домашних покушать. Супруга моя, учит танцевать его. В надежде, что Роману, так легче будет, познакомиться с какой ни будь женщиной. «Как будто ему одному плохо, хочешь на рыбалку или на охоту поехал, и никто не держит. А женщина сама найдётся» – это я, опрометчиво, попытался высказать своё мнение, в присутствии жены. После ухода Романа, жена ругает меня за эти слова. Я объясняю ей: «Мужику нельзя заикливаться на женитьбе. Всему своё время, вероятно. У мужиков не так как у женщин. Ведь я сам

не ожидал что женюсь, пока тебя не встретил».

А время тикает неслышно и подталкивает нас туда неведомо куда. Иногда в такие передрыги подтолкнёт, что удивляешься происходящему с собой и хочется проснуться.

В один из вечеров звонит Татьяна, святая душа, жена товарища. Волнуется и спрашивает о Романе, давно ли видели его. «Примерно месяц как не видел, – отвечаю, – ты не переживай, «жрать» захочет, появиться, а может у женщины какой, “в гостях прописался”». Опять звонок, опять Татьяна: «Всё, что можно обзвонила, и никто ничего не знает, только в реанимации сказали, что у них мужчина лежит без сознания, неопознанный, месяц как лежит. Ни родственников у него, никого». И добавила: «Пойду сейчас в больницу». И пошла, несмотря на поздний вечер. Я ж говорю – святая.

Когда она пришла в больницу, ей рассказали, что: «По фамилии, этого пациента, определить не смогли». «У пациента травма головы, и как положено в таких случаях, приходил следователь. Искал, и тоже безрезультатно, нет в городе человека с такой фамилией» – говорили доктора. «С такой травмой так долго не живут, только за счёт сердца мощного, шахтёрского, тянет. Вероятно – ждёт, чтоб его нашли?» – говорили нянечки.

Провели в палату. Она смотрит, – лежит наш Рома и часто дышит. Попыталась поговорить с ним. Он, как-бы прислушался, даже дыхание замерло. Потом вздохнул глубоко и выдохнул, как будто дождался, что его нашли и умер. Нет

больше нашего Ромы,— нет. Перестали тикать его часики.

Потом следователь дознался, как было дело:

— Рома в «подпитии» пришёл, к бывшей своей жене домой, что-то говорил о любви, доказывал, что она есть. Разговор был на лестничной клетке. Она, или её мужик, якобы оттолкнула его, и он упал навзничь. Упал неудачно,— ударился головой о ступеньку. Вызвали скорую помощь. Назвали доктору вымышленную фамилию, якобы случайно.

И всё. Всё просто и понятно. От этого как-то нехорошо на душе и как-то пусто, только где-то глубоко в душе — слёзы капаят. Как часики — тик-так, тик-так, тик-так.

У неё тоже есть свои часики. За нечаянное убийство, ей дали небольшой условный срок. И её часики стали отмерять время до окончания наказания,— им всё равно, что отмерять и куда подталкивать.

Прошло ровно сорок недель как Ромы не стало. Именно в этот срок её часики остановились, и она умерла. Неожиданно и сразу. Тик и всё, и она там, где Рома.

Люди разные догадки строят по этому случаю.

— **Но,— я точно знаю.** Рома во сне, ко-мне, приходил.

— **Он на страшном суде, стоя на коленях, просил не за себя, а о прощении грехов своей любимой. И все сорок недель ждал, у ворот рая, свою неразделённую ЛЮБОВЬ.**

*****От автора: «Любовь, с этим чувством надо,— поосторожнее. Особенно если это касается не Вас. Советами от неё не вылечить».

Сказка третья: «Кошкин дом»

– Улетая, они оставили кошек, – наблюдать за людьми...

Во вселенной, вокруг звезды под названием Солнце, вращаются планеты. Одна из планет под именем Земля, населена разумными существами. Называются эти существа «человек» или по-простому «люди». Большая часть людей прилагает большие усилия, чтоб выглядеть, как можно, более искусственно, их называют – «женщинами».

Планета, людьми поделена, на государства. А так как планета вращается вокруг солнца, погода меняется, и существуют времена года.

В сказочной стране под названием Россия, сейчас зима. Стоят рождественские морозы. Светит солнце, небо голубое и снег белый-белый, громко хрустит под ногами. Всякий, в России, знает, что дрова лучше всего колоть в морозы.

Вот и Мишогу (странное имя), в это время колот дрова. В солнечную, морозную погоду он с радостью занимался мужским делом. Мимо идут мужики, с похмелья, остановились, смотрят. Мишогу при виде зрителей, специально, стал неловко раскалывать мороженые чурки. Мужики смотрели, смотрели, наконец, один не выдержал: «Дай покажу как надо». Потом другой подключился, учит, объясняет и самое главное – колет дровишки. Выпьют по рюмочке, закусят

огурчиком солёным, Мишоге нальют, он пригубит – из вежливости. И опять колоть дрова, по очереди. Один колет, а другие вроде как равнодушные зрители, подначивают или радуются удачному удару колуном.

Стало смеркаться, и бабы разогнали мужиков по домам.

Мишогу тоже хотел уйти. Но пошёл снег, и он решил убрать дрова. За ночь может так завалить, лопатой придётся откапывать. Растопил баню, носит и складывает поленицу. Оказалось, дров в азарте накололи много. Уже поздний вечер, а он всё носит и складывает, складывает и опять носит. В баню забежит, дровишек подкинет в печку, и опять носит и складывает. С досадой понимая, что попал на обратную сторону «халявы». Руки, поясница болят от усталости. А чтобы собрать дрова, на земле лежащие вперемежку со снегом, приходилось вставать на колени. Штаны промокли, колени стали замерзать и не гнуться. Ну вот, и конец мучениям, дрова убраны. Он ещё нашёл в себе силы и упрямства убрать колоду, колун, подмёл щепки.

Пошёл париться, радуясь, что догадался протопить баню. При входе в баню, несмотря на усталость, остановился, смотрит. Передним нереально яркая луна, звёзды, и как бы от звёзд падают крупные снежинки.

Идиллическую картину нарушает дощатый туалет, сляпаный на быструю руку. По назначению он не понадобился и применялся для хранения садово-огородного инвентаря. И вот этот сарай нарушал поэтическую картину.

– Весной уберу, – почему-то вслух сказал Мишогу.

Пейзаж действительно был загадочно прекрасен. Луна причудливым образом освещала только часть поля, баню и сарай. Ощущение было, что он на самом краю галактики. Вот только сарай нарушал идиллию.

– Весной сломаю эту, срамоту, – в очередной раз сказал Мишогу.

Он увидел кошку, которая сидела у его ног и смотрела на него. «Озябла, наверное» – подумал он. Открыл дверь, и она прошла в баню, запрыгнула на лавку и сидит. Раздеваясь, он разглядывал кошку. Она была трёхцветная, даже глаза у неё были разного цвета, таких кошек в народе зовут – золотуха.

Раздевшись, пошёл париться, кошка за ним, легла под лавочку, вытянулась и греется. Мишогу долго парился, стараюсь выгнать боль из спины, руки, ноги отошли, а вот спина не поддаётся. Кошка наблюдала за ним, иногда перекачиваясь на спине, – такая потешная. Ему «дурновато» стало, вероятно перепарился, и он вышел в предбанник. Кошка за ним, запрыгнула на лавочку, растянулась, мурлычет от удовольствия. Он приоткрыл дверь на улицу, впустить воздуха свежего. Присел на лавочку спиной к кошке, сидит, дышит, немного откинувшись спиной о стену.

Глаза прикрыл, и вдруг чувствует, кошка лапой упёрлась ему в поясницу, уверено и твёрдо. И боль стала покидать сразу всё натруженное тело, она как бы утекала в кошачью лапу. Мишогу сидел, очень «удивлённый». Она убрала лапу и тут

же приложила другую, но уже по-кошачьи мягко и стала тихонечко мурлыкать, вероятно, успокаивая Мишогу. Его тело стало как бы «озаряться» изнутри, наполняясь какой-то живительной энергией, ему показалось, что он даже лучше слышать стал. Потом кошка спрыгнула на пол и молча, ушла в открытую дверь. И ничего не сказала. Если бы сказала, он не удивился бы.

Потом он мылся, с удовольствием натирая мочалкой, как бы новое чувствительное и управляемое тело. Когда оделся и вышел на мороз, остановился ещё раз посмотреть пейзаж, совершенно поэтический. Странно, но всплыли в голове стихи, которых не знал:

– **Падают от звёзд и устилают землю,**

– **Иероглифы – снежинки.**

– **Какое длинное письмо.**

Но сарай всё портил. «А зачем весны ждать, – вдруг подумал он, – завтра и разберу».

И тут он обратил внимание, – из сарая шёл пар. Он протёр глаза. Да, из сарая идёт пар, как будто там сидит кто-то, – распаренный. И следов не видно, – вокруг сарая.

– Однако, – произнёс он, как бы о чём-то догадываясь.

– Ну и как, это я, – а?

– А, пусть стоит, весной покрашу, красиво будет, – опять сказал вслух, как-бы убеждая самого себя.

И с чувством правильно решённой загадки пошёл домой. Мелькнула мысль: «А у неё, у этой **как бы кошки**, блохи

есть?». Вздыхнул и вслух сказал: «Надо медовухи выпить».

– А чё, – правильное решение.

– И повод есть хороший.

– *Сарай не надо разбирать.*

*****От автора: «Вспоминая этот случай, я удивляюсь, – *мне не было страшно*».

– *Странно, - как в сказке.*